

Александр Окунь
Игорь Миронович Губерман
Путеводитель по стране сионских мудрецов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590475

*Путеводитель по стране сионских мудрецов / Игорь Губерман, Александр Окунь. : Эксмо; Москва;
2011
ISBN 978-5-699-46691-7*

Аннотация

Великолепный писатель Игорь Губерман и художник Александр Окунь давно дружат и творят вместе. Так давно, что Окунь теперь блестяще владеет словом, а Губерман вполне может стать художником.

Созданный Губерманом и Окунем «Путеводитель по стране сионских мудрецов» – книга во всех отношениях необыкновенная. Это не навязчивый туристический буклет, по которому можно методично пересечь Израиль вдоль и поперек, но – литературно-художественный пассаж, по которому, даже ни разу не съездив в Израиль, можно узнать о нем все – и даже больше.

История, религия, политика, экономика, легенды, байки, анекдоты, война, искусство – все перемешано здесь по воле творцов. Любой, кто испытывает интерес к древней земле пророков, сможет почерпнуть из этой книги массу познавательных, забавных и поучительных сведений, вдохновляющих на посещение Святой земли.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	46
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Игорь Губерман, Александр Окунь

Путеводитель по стране сионских мудрецов

Посвящается нашим родителям

Авторы приносят глубокую благодарность за неоценимую помощь при написании книги:

д-ру Ицику Авербуху,

д-ру Маше Галеви,

проф. Аркадию Горенштейну,

Борису Камянову (Авни),

д-ру Вениамину Лукину,

д-ру Алле Михилевой,

Даниэлю Мишурису,

проф. Амнону Селе,

д-ру Владимиру Фромеру,

проф. Евгению Шацкому,

проф. Шалому Рикману

Предисловие

*Я намекнул на то, что путеводитель бывает интересно читать.
Хескет Пирсон*

Как известно, людям свойственно ошибаться. Далее приходит осознание ошибки, сожаление, раскаяние, досада и другие мрачные переживания. Однако же никто, находясь в здравом уме и обладая хоть минимальной способностью предвидеть результат, сознательно впросак не попадает. И не затевает предприятие без всяких шансов на успех. А ежели такая личность и находится, то зоркая публика немедленно заметит легкомыслие, а то и заподозрит умственную неполноценность. Единственное, что может если не оправдать, то извинить таких неосмотрительных людей, так это тот факт, что сами они изначально во весь голос честно и печально говорят: вот мы, такие и сякие, вознамерились совершить поступок глупый, обреченный и провальный – берегитесь и держитесь в стороне!

Увы, но именно об этом и хотят предупредить читателя авторы сего труда. Нагло и безответственно взялись они за дело, явно и заведомо неосуществимое: объять необъятное, определить словами то, что никакому определению не поддается, описать нечто хотя и существующее, но непонятно как и даже где.

Все вышесказанное – вовсе не кокетство и совсем не творческий прием, чтобы привлечь внимание и благосклонность публики. Это искреннее признание авторов, чьи легкомыслие и верхоглядство справедливо осуждались уже много раз друзьями, родственниками и бесчисленным количеством доброжелательных знакомых. И они все правы безусловно. Судите сами.

Какой нормальный человек возьмется писать о государстве, чье право на существование отрицается даже частью граждан этого государства? О стране, лишенной общепризнанных границ и собственной конституции? О народе, который в строгом смысле этого слова просто не существует, но уже многие столетия упрямо раздражает население планеты? Как

писать о стране, в которой все двоятся (в лучшем случае), и понять, что истинно, а что фантомно, удастся вовсе не всегда?

Какой, к примеру, Иерусалим реальнее – земной или небесный? А кстати, если уж мы упомянули Иерусалим: его столицей государства признают лишь граждане Израиля (при том не все), а остальное население планеты числит в качестве столицы Тель-Авив. Озеро на севере страны – как оно называется: Кинерет, Генисаретское озеро или все-таки Галилейское море? Даже Голгофы две – какая из них истинная? Как писать о стране, в которой один не согласен с другим и оба – со всеми остальными? О стране, на крохотном пространстве которой живут представители десятков ответвлений христианства, мусульмане, друзы и евреи самых разных национальностей (ибо каждый еврей – яркий образец того народа, среди которого он вырос)? И каждый считает эту страну исконно своей, и у каждого она иная, чем у остальных, а постоянный и безысходный конфликт этой крохотной страны с огромным мусульманским миром точнее всех описал римский папа Пий VI: у проблемы этой, сказал папа, есть два решения – реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся.

Почему же авторы берутся все-таки за это безнадежное предприятие? Во-первых, по причинам, честно изложенным выше. А во-вторых, потому что жизнь в этой балаганистой, шумной, суматошной и опасной стране доставляет им немислимое наслаждение, которым они рады поделиться с другими легкомысленными и не слишком умудренными людьми, которых, слава Богу, еще много в наш рациональный и разумный век.

И наконец, последнее предупреждение. Однажды кто-то очень верно заметил, что автор, черпающий сведения из одной только книги, – несомненный плагиатор. Если он заимствует из двух, то он уже исследователь. А с ростом этого числа – глубокий исследователь. Об Израиле и евреях написано много тысяч книг, их невозможно даже мельком просмотреть. Но мы хотим предупредить читателя, что он имеет дело с двумя очень глубокими исследователями этой необозримой темы. К сожалению, многое из того, что хочется изложить, просто не поместится в нашей книге. Как говорится в старой русской поговорке – нельзя впихнуть невпихуемое. Но попытку эту хочется предпринять.

А потому – начнем, благословясь.

Комментарий

Страну мою на карте обнаружив,
на внешние размеры не смотри:
по площади ничтожная снаружи,
она зато огромна изнутри.

Здесь мое исконное пространство,
здесь я гармоничен, как нигде,
здесь еврей, оставив чужестранство,
мутит воду в собственной среде.

Глава 1

Основным населением Израиля являются евреи. Откуда они взялись? На этот счет существует много разногласий и домыслов. Кочевые племена будущих евреев появились среди других кочевых племен в веке приблизительно двадцатом до н. э. Их тогдашнее прозвание – «иври» (и «евреи» вышло из него) – восходит к ивритскому глаголу «лаавор» – перейти; т. е. евреи – люди, перешедшие (в их случае – реку), пришедшие откуда-то. Название пришлось этому народу на редкость впору: как он ни старался жить подобно другим, а все же оставался иным, действительно явившимся с какого-то другого берега. Отсюда нет числа гипотезам, теориям и версиям. Одна из них даже гласит, что это инопланетяне, посланные на Землю с подозрительными целями. Другая – что они если не порождение дьявола, то веками состоят с ним в тесном сотрудничестве. Сами же евреи (а точнее – их часть, ибо согласия у них ни в чем не наблюдается) считают, что в их происхождении замешан лично Господь Бог. Это утверждение не лишено здравого смысла, ибо если допустить Его существование, то и замешан Он решительно во всем.

Господь ли создал евреев, они ли Его, и кто кого избрал – все так запуталось, что даже сами герои этой многотысячелетней драмы толком не представляют, как это было в действительности. Мы, со свойственной нам склонностью к компромиссам, предпочитаем считать, что это произошло одновременно, но увы – ни Господь, ни евреи не обладают нашим миролюбием и решительно отказываются разделять нашу точку зрения.

Кстати, насчет избранности. Покойный друг наш Виля, обозревая события, происходящие с еврейским народом, заметил, что он, Виля, совсем не возражал бы против того, чтобы на ближайшие несколько сотен лет Господь избрал арабов.

И признаться, для этого пожелания были у Вили немалые основания, как, впрочем, для всего, что делал и говорил этот исключительный человек, вечная ему память и царство небесное...

Короче, кто такие евреи, достоверно неизвестно никому, включая их самих. А точнее говоря, ответов на этот вопрос столько, что одно их количество ставит под сомнение истинность даже самых правдоподобных из них. Вот, к примеру, Сартр считал, что евреи – это те, кого другие считают евреями. Изящно, остроумно, только вот евреи с этим не согласны – им, видите ли, самим хочется принимать решение по своему поводу. Нам лично более по душе определение такое: еврей – это тот, кто имеет мужество считать себя евреем.

Но несмотря на то что единства в ответах на такой вопрос не получается, каждый согласится с тем, что евреи бывают умные и глупые.

И вот тут редкое единодушие наблюдается среди самих евреев: ум и глупость еврея определяются географией! А именно: умные евреи живут повсюду, а глупые – в Израиле. И то сказать: если может человек жить в Амстердаме, Киеве, Берлине, Варшаве, Париже, даже в Одессе, в Женеве, наконец, где кругом гористый воздух и сплошные французы, то зачем, спрашивается, ему жить в Тель-Авиве, Хайфе, Иерусалиме или, упаси Бог, в Беэр-Шеве, где кошмарная жара, пустыня и вокруг сплошные арабы?

Умные евреи, жители Берлина, Амстердама, Варшавы, Парижа и так далее, уже с начала XX века задавали этот вопрос своим глупым собратьям и, не получая вразумительного ответа, резонно пожимали плечами и отправлялись в оперу, музей или Публичную библиотеку.

В результате событий, имевших место в Европе в середине прошлого века, умные евреи этот вопрос задавать перестали, а многие (из тех, кто выжил), сильно поглупев, переселились к своим менее умным соплеменникам. Впрочем, это было более полувека назад, и с тех пор многое в мире изменилось. Даже глупые евреи – и те маленько изменились, а вот

умные – ничуть, однако о них мы поговорим позже, а сейчас в самой общей форме попробуем отметить некие черты евреев, населяющих страну Израиля в настоящий момент.

Для начала отметим редкостное разнообразие проживающей здесь части еврейского народа. Речь идет не о том, что одни – богатые, а другие – бедные, одни – религиозные, другие – атеисты, и даже не о том, что одни все-таки умнее других (это встречается во всех странах). Мы же имеем в виду тот факт, что в центре абсорбции в Иерусалиме, где мы имели честь обитать во времена нашей иммигрантской молодости, были евреи из более чем восьмидесяти стран, и среди них еврей аж из Суринама. Про Суринам нам было известно только то, что в нем обитает редкой красоты гигантская жаба по имени пипа суринамская. Информацию эту (с большей частью нашего образования) мы почерпнули в шеститомнике Брема, который обожали разглядывать в младенчестве, особенно во время болезни. Легко понять, что мы незамедлительно бросились разыскивать означенного еврея, но, к немалому разочарованию, обнаружили в представителе сури-намской фауны всего лишь курчавого человечка, при дальнейшем разговоре оказавшегося врачом.

Все разнообразие различных этнических групп, составляющих то, что называется евреями, сводится к двум основным: ашкеназы (немецкие) и сефарды (испанцы), плюс итальянские евреи, которые упорно не желают соотноситься ни с одной из них. Так же, как к ашкеназам относятся американские, украинские, польские, белорусские, русские евреи, – в сефарды записаны иракские, йеменские, иранские и прочие евреи. Еще гуляют сами по себе эфиопские, горские, индийские, грузинские и курдские евреи. Этот этнический винегрет создает невероятную разноголосицу обычаев, ценностей, привычек, традиций, предпочтений и всего того, что называется культурными кодами. Что, в свою очередь, приводит не только к появлению анекдотов про марокканцев, русских, курдов, поляков и всех прочих, но и к напряженности, чреватой столкновениями и взрывами. Удивительно не то, что они время от времени происходят, а то, что эти группы все-таки находят путь к существованию. Но если напряженности этнической вам мало, то хватает и всяких других – подумайте о любой, и она непременно найдется в этой стране.

В частности – отношения между светской и религиозной публикой. Понятия эти тоже достаточно условны, ибо и та, и другая группы состоят из более мелких групп, а те, в свою очередь, из еще более мелких, ну и так далее. В черно-белом варианте для религиозной публики еврей нерелигиозный – и вовсе никакие не еврей, а для человека светского еврей религиозный – это паразит и бездельник. Тем не менее даже они находят путь к добрососедству и взаимной терпимости.

Однажды Вим ван Лир, уроженец Бельгии, бывший летчик, увлекшийся кинематографом, собрался делать документальный фильм о Всемирном потопе. А чтобы не попасть впросак, обратился за консультацией к раввину Штейнзальцу, справедливо полагая его одним из наиболее сведущих в мире специалистов в области Библии и вокруг. При этом ван Лир, человек весьма порядочный и щепетильный, явившись к прославленному раввину, первым делом сообщил о своем неверии и, чтобы у того не оставалось никаких сомнений в атеизме посетителя, признался, что каждую субботу собственноручно готовит себе на завтрак яичницу с беконом. Внимательно, как и подобает раввину, Штейнзальц выслушал взъерошенного кинематографиста и поинтересовался:

– А отчего вы, уважаемый, именно в субботу готовите себе яичницу и именно с беконом?

– Видите ли, – с чувством сказал Вим ван Лир, – я очень люблю готовить. Но на неделе я так задерган и забеган, что до подготовки руки не доходят, и ем я урывками и что попало. А в субботу я наконец-то могу позволить себе любимое блюдо.

– Ну что ж, – сказал ученый раввин, – вы, конечно же, знаете, что суббота – величайший праздник и его непременно надо отмечать. Ваш способ празднования субботы несколько отличается от моего, но это тоже путь, продолжайте!

В результате ван Лир записался в ученики к Штейнзальцу. Верующим он так и не стал, но утверждал, что многому научился.

Остается с сожалением заметить, что таких людей, как Штейнзальц и ван Лир, где ни поищи, не так уж и много...

И не случайно Голда Меир на слова Ричарда Никсона о том, как тяжело быть президентом ста пятидесяти миллионов граждан, ответила: «Ах, господин президент, поверьте, что быть премьер-министром пяти миллионов президентов еще труднее».

Индивидуализм, нелюбовь к любой власти – древняя традиция Израиля. В Библии приводится история о том, как деревья искали себе царя. Сперва обратились к оливе. «Нет, не до того мне, – сказала олива, – я выращиваю плоды, дающие масло». Обратились к пальме, и она ответила отказом: «Я занята важным делом – произвожу финики». И только терновник – растение, неспособное приносить плоды, – охотно согласился принять корону. При таком отношении к властным структурам понятно, что от своих соотечественников политикам не приходится ожидать большой любви, да, честно говоря, подавляющее их большинство ее не заслуживает.

А еще евреи – весьма нетерпеливый народ: все подавай немедленно, желательно еще вчера. Как-то двоюродный брат одного из нас остановился в своей машине перед красным светом светофора. Тут надо отметить, что в тот день приключился хамсин. Хамсин – это такое состояние атмосферы, при котором все становятся нервными, раздражительными, дергаными. Существует неписанный закон: за убийство, совершенное в хамсин, срок дают поменьше. Так это или не так, мы точно не знаем, но что закон неписанный – не сомневаемся. Итак, стоит наш братец на светофоре. Жарко. Пыльно. Потно. Красный свет.

И вдруг раздается оглушительное, истерическое библиканье, которого как раз и не хватало, чтобы довести нашего достойного родича до состояния, близкого к человекоубийству. Выскочил он из своей машины, рванул дверь стоявшей за ним машины и рявкнул:

– Ну что ты сигналишь? Ты что, не видишь, что красный?

– Вижу, – ответил удивленный водитель, – вижу. Но ведь скоро будет зеленый!..

Раз уж мы упомянули про автомобиль, то сразу хотим предупредить любого, кто приехал сюда: израильтяне – не водители, а автогонщики. Красноречивее всего об этом говорит сухая и холодная статистика: за те шестьдесят с лишним лет, что существует государство, здесь в автомобильных авариях погибли тридцать тысяч человек, в то время как за шесть (!) пережитых Израилем войн – на шесть тысяч меньше. Ну, тут нужны еще какие-то слова?

Решительно отказываясь рассматривать жизнь как богатую гамму серого цвета, израильтянин мечется между двумя крайностями, возносясь на вершину эйфории и тут же свергаясь в пучину депрессии. От ничем не обоснованного утверждения, что прекраснее израильского ландшафта нет ничего в мире, и до утверждения, что жить в этой стране абсолютно невозможно. Если разбилась чашка, это катастрофа, если хумус хороший, то он потрясающий.

Не ждите от израильтянина взвешенного отношения к происходящему. За те тридцать лет, что мы имеем счастье проживать на Земле обетованной, мы более чем привыкли слышать вокруг вопль, что так плохо, как сейчас, не было никогда. Но проходит год-другой, и выясняется, что это сейчас «так плохо, как никогда», а тогда было совсем даже хорошо...

Нет здесь, увы, ни латинской традиции выпивать за трапезой бутылку вина на человека, ни российской – раздавить бутылку водки на троих, а потом проложить пивом и отлакировать портвейном. Израильтяне практически не пьют. Субботнее вино, употребляемое для благословения, в счет не идет, тем паче оно такого вкуса, что его более одной капли не выпьешь.

Так вот, увидев однажды спящего в саду на скамеечке выходца из России и обнаружив рядом с ним бутылку пива, незамедлительно развязали на всю страну истеричную антиалкогольную кампанию.

Приняв закон об ответственности за преследования на сексуальной почве, довели дело до того, что мужик отправляется в постель с микрофоном и кинокамерой, дабы на всякий случай иметь доказательства добровольного согласия дамы.

Ни одному занятию не предаются израильтяне с большей страстью, чем поношению собственной страны, в которой ни в чем нет ну совсем ничего хорошего. Однако делом этим разрешается заниматься исключительно самим гражданам Израиля: услышав любое критическое замечание в адрес страны (неважно, справедливое или нет), израильтянин немедленно превращается в пламенного патриота.

Понятия дистанции в Израиле не существует. Нам пришлось общаться с четырьмя премьер-министрами, и каждый из них после естественного обращения «господин премьер-министр» морщился и напоминал свое имя. Возможно, такая короткость заложена не только в самоощущении каждого отдельного израильтянина, не только сформирована армией, где все слои населения перемешиваются, но обусловлена самим языком.

В отличие от английского, где не только кошка говорит с королевой на «вы», но и королева на «вы» обращается к кошке, в иврите обращения на «вы» не существует. Иврит, язык пастухов и царей, признает только «ты».

И вот на этом самом иврите все кругом кричат, причем одновременно. Одно из объяснений повышенному количеству децибелов дал художник Борис Карафелов в ответ на усталое замечание супруги своей, писательницы Дины Рубиной, натуры музыкальной и чувствительной.

– Ну что они так вопят? – спросила Дина раздраженно.

– Должно быть, намолчались там, откуда приехали, – пожал плечами Боря.

А теперь несколько слов об израильской манере одеваться и вести себя на людях. Начнем с последнего: манер в Израиле не существует, каждый ведет себя так, как находит нужным. Таких глупостей, как пропустить женщину вперед или уступить ей место, делать не следует: вас просто не поймут (или изрядно удивятся). Если нужно что-либо сообщить своему знакомому, находящемуся от вас метрах в пятидесяти, вовсе не следует преодолевать это пространство (вне зависимости от того, где это происходит – на улице, в ресторане, на пляже или в концертном зале). Надо просто напрячь голосовые связки и во всеуслышание изложить все, что вы имеете сказать.

Столь же непосредственны израильтяне и в манере одеваться. Правда, золотые дни свободного отношения к одежде, когда в парламент можно было заявиться в шортах и сандалиях, увы, миновали, но костюм и галстук по сю пору не строго обязательны даже на дипломатическом приеме. И не существует ресторана, куда вас не пустят без галстука. Выходцев из бывшего Советского Союза легко узнать по привычке надевать сандалии на носки, все остальное население Израиля носит их на босу ногу. Молодежь предпочитает так называемый запущенный стиль: это когда на тебе все висит как хочет, чтобы ты ощущал себя удобно, свободно и проветренно. Еще, конечно, следует упомянуть о достойном восхищения умении израильтян обоего пола носить штаны таким образом, что верхняя треть ягодиц открыта для всеобщего обозрения. И штаны непостижимым образом держатся на заданном уровне. Такой способ ношения этой части одежды очень, разумеется, гигиеничен, а также (хоть и не всегда) обладает неким эстетическим содержанием. Один из авторов этой книги много лет отдал попыткам носить штаны именно таким образом, но все его усилия пропали даром: либо задница его полностью прикрывалась, либо штаны спадали. Отчаявшись, он с неизбывной грустью понял, что такое виртуозное умение дается только уроженцам этой маленькой загадочной страны.

Израильтяне чудовищно непоседливы. В Индии, Эквадоре и Таиланде все уверены, судя по количеству израильских туристов, что Израиль – огромная империя, которую населяют сотни миллионов жителей. В общем, израильтян за границей гораздо больше, чем их есть вообще.

Отслужив в армии, израильтянин отправляется в путешествие по миру, которое может занять год, три, а то и всю жизнь. Израильтяне уживаются на Северном полюсе, бродят в джунглях Латинской Америки, забираются на Памир, спускаются в Большой каньон.

Наш приятель, облазивший весь мир, года три тому назад забрался в какую-то чрезвычайно экзотическую пещеру, куда попасть более чем непросто и где довольно опасно. После спуска, который продолжался несколько часов, подивившись на сталактиты и сталагмиты, он еще несколько часов плыл на резиновой лодке по подземной реке и, высадившись, обнаружил на скале большую надпись на иврите: «Сноб! А в Цфате ты был?»

То, что евреи – народ настырный, известно всем. В Израиле эта черта, как и многие другие, доводится до абсурда. В пору нашей иммигрантской юности к одной нашей соседке заявился страховой агент с целью застраховать квартиру.

- Откуда у нас квартира? – удивилась соседка. – Сами видите, где живем!
- Не квартиру, так машину, – жизнерадостно предложил страховой агент.
- Нету машины, – призналась соседка.
- Нету? – удивился агент. – Тогда мебель!
- И мебели собственной пока нет...

Такое положение дел, очевидно, уязвило профессиональную гордость агента, и он пустился в быстрое перечисление всего, что подходило для страховки. Но немедля выяснилось, что ни животных, ни драгоценностей, ни картин, ни холодильника и прочих электрических благ цивилизации, совсем-совсем ничего пригодного для страхования у семьи эмигрантов из Москвы не было. Через полчаса отчаявшийся агент выложил последний козырь.

– Если вы, – сказал он, – хоть что-нибудь у меня застрахуете, я бесплатно делаю страховку жизни вашего мужа.

– А зачем ее страховать? – робко спросила женщина. (Ах, как молоды мы были...)

– Как это «зачем»? – устало промолвил агент. – Если он умрет, то в доме, по крайней мере, будет маленький праздник...

Коррупция во всех ее проявлениях отнюдь не обошла стороной государство Израиль. И все же еще есть в этой стране неподкупные люди. Несколько лет тому назад наш приятель, оставив свою машину, заскочил в магазин купить сигарет, а выйдя, обнаружил стоявшую рядом с его автомобилем девушку из полиции, которая выписывала ему штраф за парковку в запрещенном месте. Наш друг с жаром принялся объясняться: сигареты, пара минут... Тут надо сказать, что в полиции часто служат йеменитки, то есть потомки выходцев из Йемена, отличающиеся дивной красотой. Эта была как раз из таких. А приятель наш – тоже не шмендрик какой, а мужчина видный, обаятельный, устоять перед ним решительно ни одна девица не могла. Вот он ей и говорит:

– А не попить ли нам кофе?

(Тут надо пояснить, что в израильской реальности предложение попить кофе – это вежливая форма приглашения пойти в постель.) И поскольку, как уже сказано, приятель наш обаятелен был непомерно, красавица ответила согласием и села к нему в машину. А далее он отвез ее к себе домой, и там в течение полутора часов они причиняли друг другу всевозможные наслаждения. По завершении этого праздника жизни он снова посадил красавицу в машину и, поскольку джентльмен, отвез ровно на то место, с которого забрал. Красотка вышла из машины, засунула квитанцию на штраф под дворник ветрового стекла, послала воздушный поцелуй оторопевшему приятелю и продолжила исполнение служебных обязанностей. Возможно, здесь будет уместным сообщить, что по данным глобального опроса,

заказанного фармакологической компанией «Пфицер», Израиль находится на втором месте в мире по интенсивности занятий сексом (чаще занимаются любовью только в Бразилии).

Значительная разница между приехавшими в Израиль побуждает каждого еврея с удивлением и внутренним неодобрением смотреть на непохожих соплеменников. И наиболее активны оказались в этом осуждении бывшие советские евреи. Сколько довелось нам выслушать горячих разговоров о бескультурье здешнего населения! А когда мы вяло возражали, что не бескультурье это, а просто разница традиций и обычаев, то собеседник (собеседница) надменно замолкал и подозрительно смотрел уже на нас. А тут однажды подвернулась и прекрасная история. Наша подруга Леночка Рабинер много лет работает на радио. И как-то позвонил ей некий немолодой еврей и произнес целый монолог о том, что мы, носители высокой и значительной культуры русской, попросту обязаны нести культуру эту в темные и полудикие местные массы. И себя для этого несения он щедро предложил. А так как монолог никак не мог закончить и тянул, тянул слова настырный просветитель, Леночка ему учтиво предложила изложить свои соображения письменно и прислать на радио.

– Запишите, пожалуйста, наш адрес, – вежливо сказала она, – мы в Тель-Авиве находимся, улица Леонардо да Винчи...

– Как вы сказали? – переспросил пожилой культуртрегер. – Повторите еще раз.

– Улица Леонардо да Винчи, – терпеливо повторила Леночка. И как-то машинально пояснила: – Ну, в честь Леонардо да Винчи, вы же знаете...

– Уж извините, – чуть растерянно сказал старик, – я всего полгода как приехал...

А одного из авторов наметил в собеседники по этому жгучему вопросу его сосед по тихому иерусалимскому району Неве-Яаков. Сосед был стариком словоохотливым, а уклониться от него в маленьком дворе было трудно. Так, однажды плелся он за мной по этому двору – засыпанному, кстати, старыми и рваными газетами, – и говорил, и говорил о бескультурье марокканцев, обильно населявших наш район. Как иллюстрацию их варварского сознания он приводил в пример как раз газеты эти, которые кидали, до помойки не дойдя, неряшливые марокканские евреи. Я выдержал минуты три (для пушшего эффекта) и обратил его внимание на то, что эти марокканские евреи – очень и злокозненны к тому же: все газеты, что валялись на дворе, были на чистом русском языке. Старик обиделся и пару месяцев меня не замечал...

Чего опасается израильтянин? Он опасается войны, терактов (специфика страны), а в остальном того же, что и все люди в мире: болезней, автокатастроф, безработицы. Но больше всего на свете израильтянин боится оказаться фраером. Этот комплекс в огромной мере определяет образ мыслей и стиль поведения среднего израильтянина. Что он, фраер в очереди стоять? Фраер, чтобы его обгоняли на шоссе? Фраер, платить дорожке? Известное определение израильтянина как человека, готового сжечь бензина на десять шекелей, чтобы купить курицу на шекель дешевле, имеет к предмету нашего рассказа прямое отношение. История, которую мы собираемся вам поведать, на наш взгляд, касается самой сути израильского комплекса фраера. И не в последнюю очередь потому, что героем ее является человек, для нескольких поколений олицетворявший идеал сабры (уроженца страны). Речь идет о Дане Бен Амоце – короле израильской богемы, знаменитом журналисте, писателе, создателе словаря ивритского сленга, символе израильской культуры. Вот на него-то в Нью-Йорке, на какой-то из авеню, и налетел случайно ближайший его дружок и коллега по журналистскому цеху Амнон Данкнер (благодаря которому история эта и стала нам известна). Обрадованный неожиданной встречей, Бен Амоц пригласил Данкнера наутро позавтракать вместе. Как любой человек, Бен Амоц обладал разнообразными достоинствами и недостатками, и среди недостатков не последнее место занимала прижимистость. Место, выбранное им для завтрака, было не более чем дешевой забегаловкой, Зная своего друга, Данкнер этому обстоя-

тельству отнюдь не удивился, а когда дело подошло к концу, поторопился заплатить по счету. За двоих, разумеется. И тут Дан помрачнел.

– В чем дело? – поинтересовался Данкнер. Смена настроения друга не укрылась от его внимания.

– А в том, – скорбно сказал Бен Амоц, – что я вышел фраер.

– Это почему же?

– А потому, что ты расплатился за двоих.

– И что?

– А то, – не скрывая раздражения, набычился Бен Амоц, – что, поскольку ты сейчас заплатил за двоих, в Израиле, когда мы пойдем куда-нибудь пожрать, платить будет моя очередь, а это наверняка будет дороже, и я выйду фраер.

– Да бу-удет тебе, – благодушно протянул Данкнер, – один раз ты больше заплатишь, другой я, ну наберется за десять лет разница в триста шекелей, есть из-за чего огород городить...

– Есть, нет, – упорствовал Бен Амоц, – а сегодня я вышел фраер.

– Послушай, – полюбопытствовал Данкнер, – а чего ты так боишься быть фраером?

Очевидно не ожидавший такого вопроса Бен Амоц (как правило, быстрый на реакцию и острый на язык) помедлил с ответом, а потом, пробормотав:

– Я должен подумать... – перевел разговор на другую тему.

Прошло несколько лет. Известие о неизлечимой болезни Дан Бен Амоц принял мужественно, а когда понял, что дело подходит к концу, устроил пир на весь мир: созвал друзей и подруг, и все, изрядно надравшись, говорили прочувствованные слова на манер неизвестного им любимого нашего фильма «Не горюй», но, повторяем, ни Бен Амоц, ни вся эта публика с фильмом знакомы не были, и оттого все происходившее было вполне первозданно и аутентично. Когда через несколько дней в квартире Данкнера раздался звонок из тель-авивского госпиталя «Тель хашомер», Данкнер приготовился услышать ожидаемую весть о смерти Бен Амоца, но, вопреки ожиданий, выяснилось, что тот еще жив и, более того, просит Данкнера срочно приехать. В неподвижном, обвитом трубками инфузий усохшем теле с трудом угадал Данкнер своего любимого друга. Потрясенный, он тихо стоял в дверях палаты, как вдруг рука приподнялась, и костлявый палец сделал знак подойти поближе. Данкнер приблизился к кровати и наклонился. Пересохшие губы умирающего шевельнулись:

– У меня нету...

– Чего у тебя нету? – спросил Данкнер.

– Ответа...

– Ответа на что?

– Ответа... – с трудом выдохнул умирающий, – ответа... почему... я так боюсь быть... фраером...

Через сорок минут знаменитый писатель, король богемы и символ израильской культуры Дан Бен Амоц скончался.

Но что же все-таки объединяет всех этих евреев, таких непохожих и таких разных? Что делает из них израильтян?

Два раза в году звучит сирена. Два раза в году останавливаются на улицах автомобили, замирают пешеходы, и две минуты стоят люди под палящим солнцем или в домах – там, где застал их тоскливый вой.

Два раза в году граждане Израиля отдают честь памяти погибших. В День Катастрофы и героизма европейского еврейства и в День памяти солдат, погибших, защищая страну. Обычай этот, как правило, не соблюдается не только арабскими гражданами (что вряд ли может вызвать удивление), но и многими ультра-ортодоксальными евреями. Причины, по

которым они нарушают израильскую традицию, для нашего повествования (по крайней мере – в этой его части) не суть важны. А важно совсем другое: ни в какой иной стране, ни при каких обстоятельствах и ни по каким причинам не посмели бы они (да и не смеют) бросать вызов подавляющему большинству населения, так же как не посмели бы сжигать флаг этой страны, как они порой делают в День независимости Израиля. Почему же они позволяют себе это в Израиле? Ответ на этот вопрос совпадает с ответом на вопрос, заданный выше. И ответ до крайности простой: так по-хамски ведут себя только дома.

Комментарий

Про наше высшее избрание
мы не отпетые вральи,
хотя нас Бог избрал не ранее,
чем мы Его изобрели.

В эту землю я врос окончательно,
я мечту воплотил наяву,
и теперь я живу замечательно,
но сюда никого не зову.

Тут нету рек нектара и елея,
темны за горизонтом облака,
а жить среди евреев тяжелее,
чем пылко их любить издалека.

По части блядства мой народ
с библейских славится времен
и сто очков дает вперед
сынам любых иных племен.

Глава 2

История Израиля включает в себя множество достойных (и недостойных) имен, которые известны людям разных стран, разных национальностей и, как говорится, различного культурного уровня и материального достатка. Короче – всем.

Но все эти замечательные люди – Давид, Соломон, Вирсавия, Бен-Гурион и другие – остались бы нам неизвестны, если бы не один странный человек, живший во времена оные черт знает где, а точнее – в городе Уре Халдейском. Было это приблизительно веков за восемнадцать до новой эры.

Библия, со свойственной ей лаконичностью, мало что сообщает об этом человеке, тем не менее мы беремся утверждать, что все, кто писал об Аврааме (а о нем разве ленивый не писал), довольно сильно исказили его облик. Старательно анализируя его поступки, они, как водится, больше заботились о нахождении глубоких и оригинальных философских концепций. Меж тем достаточно прочесть страницы Библии, посвященные нашему герою, как делается очевидным, что перед нами человек доверчивый, незлобивый и сострадательный, склонный к мечтаньям, видениям и более того – принимающий их за правду. То есть человек, для которого грань между реальностью и фантазией если и существует, то изрядно размыта. А теперь скажите нам, люди разумные, как называется такой человек? Да! Совершенно правильно! Такой человек называется поэтом. Все мы знаем – кто на личном опыте, а кто из вторых рук, – что «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон... и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Ну, ничтожней не ничтожней, но многие поступки Авраама, прямо скажем, симпатии не вызывают.

Жену свою со страху объявляет он сестрой и своими руками, можно сказать, сдает в постель фараону. Такое неблагоприятное поведение вошло у него в норму: чуть что объявлять Сарру сестрой и отдавать очередному царю – Авимелеху, например. А Сарра противиться мужу не смеет, и Богу каждый раз приходится вмешиваться лично, чтобы уберечь ее достоинство и честь. Это еще самые скандальные случаи – а о скольких написать забыли или умолчали о них?

Опять же сына своего первородного и его мать наш Авраам, устав от семейных скандалов, попросту в пустыню выгнал. Правда, добрая душа, дал «хлеба и мех воды». После такого обращения чего уж удивляться, что потомки этого мальчика терпеть не могут потомков его единокровного брата. Но самое ужасное, что он послушно приготовился собственноручно угробить родного сына! Несчастному безответному ребенку собственной рукой собрался перерезать горло! А это не по-божески и не по-человечески. Написано, что Бог таким образом испытывал Авраама (в русском переводе – «искушал», но это очень уж неточно). Да, Бог действительно испытывал его. Но, позволим себе высказать собственную догадку: не покорства ожидал Господь, а несогласия и бунта!

Одно из основных положений иудаизма гласит: «Все предопределено, но есть свобода выбора». Мы не помним, где мы это вычитали, ибо читаем широко и беспорядочно, всего не упомнишь. Но эта мысль (идея, наставление) – исключительно правильного свойства.

Если Господь создал человека свободным, то не слепого послушания Он ожидает от него, а мужества, достоинства и чести. Умения, когда надо, сказать «нет» – самому Господу Богу. Как умели это делать хасидские мудрецы, не только вызывавшие Бога на суд, но и признававшие Его виновным. И думается нам, что до сегодняшнего дня тяжело расплачивается еврейский народ за малодушие своего прародителя. Кстати, происходило это событие на горе Мория, которая находится в Иерусалиме и часто называется Храмовой горой, ибо спусть много лет царь Соломон выстроил на этом месте Храм, а теперь там стоит здравующее здание с золотым куполом, которое так и называют – Купол-на-Скале. С этого места Господь

начал строить мир, отчего та скала называется Краеугольным камнем. Это на него Авраам положил бедного Исаака. А сейчас в первый, но не в последний раз мы со значением скажем: «Видите эту гору? Слышали, что мы вам только что рассказали? Так знайте: это было здесь!» Кстати, впервые Авраам увидел гору Мория с места, которое называется Таелет – смотровая площадка в иерусалимском районе Тальпиот-Мизрах. Там есть ресторан, в который нога даже невзыскательного туриста ступать не должна, а вот вид – пять звездочек. Рекомендуем.

Теперь давайте поговорим о других делах праотца Авраама. Начнем с того, что он был кочевник. И не то чтобы на одном месте ему не сиделось, но для скота нужны были свежие пастбища. Сперва из Ура Халдейского он перебрался в Харран. Тоже не Париж, сами понимаете, но все-таки минимально цивилизованное место. Канализация. Водопровод. Клинописные таблички. И вот тут наш Авраам слышит голос: «Пойди из земли своей...» – и так далее. Ну прямо как Жанна д'Арк какая. Она тоже голоса слышала. И ведь вот что интересно: люди, слышавшие голоса, потом такое творили, что диву даешься. Композитор Тартини, тот сонату написал. Правда, ему не Бог являлся, а Дьявол. Данте его строки Муза диктовала. Кому-то из математиков формулу наговорили. В общем, везет людям. Но с другой стороны, мы думаем, что говорят со всеми, только слышат далеко не все. А большинство – и слышать не хотят. И правильно, по сути, делают. С ума ведь можно посходить, если все начнут что-нибудь слышать и сообразно действовать.

Вот тут и проявилась поэтическая натура Авраама. Услышав голос, он немедленно пустился в путь. И за собою потянул, естественно, жену, племянника Лота уговорил, и всех людей своих подбил, и поднялись они, и двинулись по местам незнакомым и диким: через пустыни в сторону Ханаанской земли – той самой, которая потом была названа страной Израиля и частью которой сегодня является государство Израиль. По дороге они пересекли Сирийско-Африканский разлом. Этот самый разлом, к сожалению, разломался не до конца, иначе Израиль от его соседей отделяло бы сейчас изрядное пространство. От Ливана и Газы можно было бы отделиться каналом и... помните роман Жюль Верна «Плавучий остров»? Увы... увы...

Однако вернемся к суровой действительности. Как известно, первые люди появились в Африке, в районе озера Виктория. (Во всяком случае, именно это утверждает современная наука.) Однако, осознав, где именно они появились, наиболее развитые древние люди немедленно дали из Африки деру. И бежали они через Ханаан, где самые ленивые и сообразительные (очень недурное сочетание) остались. И почему б им было не остаться? По саванне, которой тогда была эта страна, бегало полно всяких бифштексов, шашлыков и отбивных, а вокруг был – только нагнись – кремль, при помощи которого их можно было оприходовать. Примером жизни этих людей могут служить пещеры Танур и Гамаль недалеко от Хайфы, где все осталось, как было этак сто пятьдесят тысяч лет назад, разве что добавили световых эффектов и кино крутят. Кстати, буквально только что на севере страны, возле местечка Кфарха-Хореш, обнаружили кладбище VIII или VII века до н. э. Таким образом, пальма первенства, ранее принадлежавшая кладбищу на Масличной горе, им утрачена. Интересно, что возраст похороненных на этом кладбище – не более тридцати лет, и останки их окружены фаллическими и вагинальными символами. Ах, молодость, молодость...

В древние времена флора Израиля была на редкость разнообразна (в нашей собственной коллекции есть, к примеру, ожелезненный папоротник, которому два с половиной миллиона лет). Помимо обычной для Средиземноморья растительности, как то сосны, кипарисы, тут водились еще дубы самых разных сортов, рябины и много чего другого (честно говоря, ботаники мы липовые).

Что уж совсем удивительно для здешнего климата – тут, судя по всему, даже выращивали рис, хотя и не во времена патриархов, а позже. Свидетельство этому мы находим в трудах Саши Черного, где непосредственно сказано: «Царь Соломон сидел под кипарисом и ел